

Александр Тихомиров

(1941-1981)

Стихотворения

Мой папа, Александр Тихомиров, родился и вырос на Арбате. В 1941 году, в возрасте нескольких месяцев, они с мамой и старшим братом уехали в эвакуацию – то ли в Самару, то ли в Саратов, я до сих пор путаю, а отца, моего деда, взяли на фронт. После войны все вновь собрались в двух комнатах коммунальной квартиры на Арбате, в 1948 году Саша Тихомиров пошёл в школу, в 1964-м переехал с женой, моей мамой, в Марьину Рощу, где я и родился, а в 1978 году мы снова поселились неподалёку от Арбата.

В этой подборке собраны стихи, которые так или иначе связаны с Арбатом и детством. Детство – то, чем Александр Тихомиров жил всегда, уверяя, что воспоминания детства спасают и поддерживают взрослого человека в трудные моменты.

Завершает подборку моё любимое папино стихотворение.

Дмитрий Тихомиров

* * *

Лепной потолок на Арбате...
Но страшен кривой коридор.
Линялый узор на халате,
Окошко на каменный двор.
Там мучилась бедная мама –
Чуть что,
Начиналась мигрень...
А тут,
Перед окнами прямо,
Такая густая сирень!
И птички в лазури беспечной,
И солнце сияет с небес...
Лекарство ромашки аптечной
Вдыхает берёзовый лес.
По белой и пыльной дороге,
Спалённые солнцем вконец,
Мы входим в лесные чертоги –

В резной изумрудный дворец.
Где в сумерках лиственных арок
Под шорохи птиц и зверей,
С корнями я выдрал в подарок
Для мамы лиловый кипрей...
И тут,
Своим грохотом муча,
На нас навалилась с небес
Из белого мрамора туча –
Кудрявая, словно Зевес.
И клоунов цирка хитрее,
Цветы притворились травой...
Китайский фонарик кипрея
Зажегся во тьме вековой!

Воспоминание

В одна тысяча девятьсот
Сорок шестом году
Привезли меня в санаторий –
Приплюснутые подорожники
Там всюду росли в пыли.
Влево бежала дорога
К разрушенной старой церкви...
Мне сказал незнакомый мальчик:
«Раньше там Боженька жил,
А потом улетел на небо».
И это тогда я понял;
И заметил, что слово «церковь»
Похоже на слово «цирк».
Вправо бежала дорога
К такому огромному лесу –
Там сосны до неба росли!
Туда на прогулку ходили
И видели даже берлогу –
Это большая яма,
В ней много иголок сосновых,
А выше – из серых комьев
Сухие травинки растут.

Были там две воспитательницы –
Добрая тётя и злая.
Злая меня не любила,
Называла меня «тюленем»,
Это меня обижало –
И я тоже её не любил...
Мальчишки из старшей группы,
Хулиганы шести-семилетние,
Придумали вдруг такое,
О чём вспоминать тяжело:
Если из младшей группы
Кто-то захочет в уборную,
То должен за это платить –
Сорвать лопух у забора
И отдать мальчишке большому,
Чтоб тот... Ну да ясно зачем!..
Малыши и не спорили даже,
И мне всё казалось нормальным,
Но не мог почему-то
Мальчишкам носить лопухи.
С тех пор выжидал минуту,
Когда свободно в уборной...
И всё равно – однажды
Случилось несчастье со мной.
Меня дразнили мальчишки,
И злая смеялась тётя,
К слову «тюлень» прибавляя
Слово ещё одно...
И всё ж – это было не горе.
Была у меня свистулька –
Глиняную свистульку
Привезли мне в родительский день.
...Но однажды добрая тётя
Сказала мне вдруг такое,
Что я сильно-сильно заплакал
И от неё побежал.
Помню –
Забрался в спальню,
Залез под свою кроватку –
И плакал, и плакал, и плакал

На большом холодном полу.
Но нашла меня добрая тётя,
Достала из-под кровати,
Просила прощения, плакала...
Поцеловала меня.

* * *

На сложности жизни
Легко получает ответы
В потёмках двора
Милый трёхлетний мудрец –
Вырыл ямку в земле,
Застелил серебром от конфеты,
И стало светло,
Хоть и мал получился дворец!

Арбатский двор моего детства

Бьёт рассвет
Сырым бельём...
Звонкий дед –
«Старье – берём!»
Не июль,
Но сонный люд
От кастрюль –
И к стёклам льнут...
Всякий льнёт,
Вкусить дабы
Смелых нот
Иной судьбы.

* * *

Мир был прекрасен, как хрусталь духов!
Как золотые ложки на витрине,
Когда не знал я никаких стихов,
А руки мамы были в керосине.
Когда я в школу бережно таскал

Томительно неверные ответы –
Врагам своим в чернильницы плевал,
А у друзей выклянчивал котлеты...
Всё шутки!
Я котлет не вымогал,
Да и плевки – для украшения слога...
Хотя позднее не миновал такого,
Что лучше б уж в чернильницы плевал!
И вот сейчас передо мной забор,
Оранжевый от гнили и от солнца,
Вьюнками перевитый, как фарфор,
На бузину свалился – и смеётся!
Любуюсь белым цветом бузины,
Брожу, как черно-белая сорока,
Я снова счастлив – нет за мной вины,
Как нету человека без порока,
Я счастлив, что дожил до седины –
Что солнечно,
Что тихо,
Одиноко...

* * *

На чудо, конечно, – надейся!
А сам оплошаешь – беда...
Динарий бесценного детства
Уже не вернёшь никогда.
Так выйди из лесу, кудесник,
Яви совершенство своё –
Чтоб солнышко вспыхло, как в детстве,
А небо, как раньше – синё!
Пусть в лёгкий пушистый морозец,
В заснеженный северный май,
Как будто ведёрко в колодец,
Летит в переулок трамвай!
Слышь, дед, не скупись на прикрасы –
На наледи в звёздах лузги,
Пусть как сапоги-самоплясы
Отпляшут мои сапоги!
И всем, кто успел провиниться,

Кто тихо скорбит по ночам,
Пусть свет лучезарных провинций
Порой ещё светит очам...

* * *

Фруктом, тёртым калачом –
Кто был с малых лет?
Я за солнечным лучом
Лазил на буфет.
Лазил также за едой,
Труся,
Иногда...
И вот этой ерундой
Занял все года!
Хорошо, что в нужный срок
Били по рукам,
Что идут уроки впрок
Старым дуракам!
Что не пнут теперь плечом
Около небес –
Я за солнечным лучом
Высоко залез!

* * *

Скоро каникулы...
В комнате пыль, как молекулы!
Часть подоконника
Солнцем нагрета с утра;
Заспанный школьник
Взял с комода тяжёлое зеркало –
И пускает лучи
В тёмные окна двора.

Городское лето

Жаркий день, а темно во дворе.
Но для мальчика – это свобода!

За ворота пойдёшь,
Столько солнца – ослепнуть легко...
Или можно подняться
С запылённого чёрного хода
На девятый этаж –
И смотреть далеко-далеко...

Вокзал, 1947 год

И какой неясный повод
В эту глушь меня занёс?
На вокзале лёд и холод
И накурено до слез...
И дрожали под овчиной,
Не поняв наверняка, –
Холод ли тому причиной
Или ход товарняка?
Потеплей укрылась тётка.
Ночь, ещё темным-темна,

Подмораживает стекла
Посиневшего окна.
Но от этой перемены
Стали видимы поля
И заснеженные стены
Захолустного кремля.
Ломти утреннего сала
И зевающие рты...
И старинного вокзала
Потемневшие черты.

* * *

Ребята среди зелени майской
Истошно друг другу орут:
– Колюнька, на пруд Иловайский!
– Да ну, на Самаринский пруд! –
День будет, конечно, счастливый.
Но так обгорит детвора,
Как будто старуха с крапивой
Гонялась за ними с утра!

В овраге

Да, лет шестнадцать...
Или рядом где-то.
От пыли и от зноя воздух жёлт.
Мне губы обжигает сигарета,
А солнце спину и затылок жжёт.

Вот я скрываюсь от жары в овраге...
Вот отдыхаю на сырой коряге...
Дневной жаре заказан путь сюда –
Здесь лопухи, прохлада и вода.
Люблю овражье сумрачное лето –
Здесь так прохладна сочная листва!
Здесь лягушата прыгают нелепо,
Как и мои нескладные слова.
Как я хочу писать предельно просто
И не терять с природою родства,
Во мне рождает смелость и упорство
Растущая потребность мастерства.
Эх, только бы дожидаться взрослой воли!
И перед тем, как вверх подняться мне,
Я встал с коряги,
Я напился вволю
Рябой воды на скользком валуне...
В зелёном поле
При закате солнца
Горят бока коричневых кобыл.
Я встретил друга около колодца
И понял, что он тоже где-то был...

* * *

Во сыром бору-отчизне
Расцветал цветок,
Непостижный подвиг жизни
Совершал, как мог...
Побледнел, упал на хвою –
И чудно ему,
Что хотел-то он на волю,
А попал в тюрьму.
Ты не вянь, не вянь, цветочек,
Если что не так...
Твой голубенький платочек
Прогоняет мрак.